

ИВАНОВ ВЯЧ. ВС.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ СТРУКТУРЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЕЕ ЯЗЫКА

Может казаться, что современная лингвистика (как и многие другие гуманитарные науки) представляет собой достаточно пестрый конгломерат разнородных областей исследования. На первый взгляд, они объединяются только тем, что все они занимаются естественным языком. Более того, все чаще в обзорных работах можно встретить перечисление различных наук, каждая из которых со своей собственной точки зрения подходит к изучению языка, причем в самом этом многообразии ученые видят источник расширения знаний, связывая дальнейшее усложняющееся разветвление научных дисциплин со все растущей их специализацией. Множатся и термины для обозначения новых промежуточных областей исследования, обычно включающие слово «лингвистика» в качестве второй части сложения. Вопреки этой казалось бы преобладающей тенденции, раздробляющей языкознание на множество разных наук, представляется, однако, возможным, что развитие метатеории лингвистики (или «металингвистики»)¹ может способствовать такому переосмыслинию всей науки о языке в целом, которое обнаружило бы ее внутреннее единство. Задачей метатеории лингвистики является исследование структуры языкознания и ее специального языка (называемого «лингвистическим метаязыком» для отличия его от языка-объекта, служащего предметом исследования [2]) и текстов, написанных на этом языке, с целью выявления их основных характеристик.

В основу металингвистической теории предлагается положить понятие отношения либо между системами языковых знаков (и текстов, состоящих из них), либо между системами элементов, из которых состоят эти последние (в этом случае можно говорить о частичной системе). Любое исследование одного или нескольких языков сводится к выяснению его отнесения к некоторой другой системе. Она может быть либо другим естественным языком, либо некоторой искусственной системой, обычно построенной из элементов разных языковых систем. Начнем с простейшего случая — контрастного сопоставления двух (или более) естественных языков. Один из них может рассматриваться как привилегированная система отсчета. Такую роль играл латинский язык, использовавшийся в качестве метаязыка лингвистического описания во многих ранних грамматиках европ-

¹ Хотя этот термин и построен по образцу общепотребительного слова «математика», обозначающего метатеорию (определенных областей) математики, тем не менее его едва ли нужно использовать, во-первых, потому что омонимичное слово давно уже употреблялось в другом значении [1], во-вторых, потому что оно может встать в ряд других терминов, таких, как «социолингвистика», в целом противоречащих по своей сути предлагаемой точке зрения, стремящейся к объединению науки. Но это не мешает использованию прилагательного «металингвистический» в значении «относящийся к метатеории лингвистики».

пейских языков (в средневековой и позднейших традициях). и санскрит в ранних тибетских грамматических сочинениях. Это означало, что латинские морфологические категории (например, падеж) вводились в описание таких языков, в которых (как во французском имени существительном) они на морфологическом уровне полностью отсутствуют. Соответственно и санскритские обозначения падежных значений («глубинных» падежей в современной терминологии) и их тибетские эквиваленты использовались для описания функции синтаксических конструкций тибетских имен с частицами и/или послелогами. С точки зрения адекватности описания передко позднее подобным ранним опытом подражания иноязычной грамматической традиции противопоставлялись такие, где «чужие» категории не навязываются данному языку. Но стоит отметить и другое: именно структурное несходство языков позволяло авторам этих ранних грамматик получать при семантическом изучении синтаксиса результаты, которые трудно достижимы при изучении одного языка. Тибетская грамматическая традиция усвоила (через посредство позднейших буддийских авторов, в частности, Чадрогомина) систему санскритских метаязыковых обозначений основных падежных значений, для которых были выработаны тибетские эквиваленты: тибет. byed-pa-ro = скр. kartṛ «деятель»; тибет. byed-pa = скр. kāraṇa «орудие» и т. п. [3—6]. Представляется, что именно для тибетских грамматистов важна была обусловленная структурой индоарийских языков, где уже развивалась эргативная конструкция, установка на связь личных окончаний глагола с объектом, заметная в «Восьмикнижии» Панини (III, 4.69): *LAh kartapī ca bhāve cākārtakebhyaḥ*. «Глагольное окончание после переходных корней указывает также на объект, непереходных — и на состояние» [7]. Непосредственным продолжением сходного подхода к глагольным конструкциям представляется использующее тибетские соответствия санскритских терминов замечательное описание противопоставления активной конструкции и конструкции состояния [8] в тибетском трактате «Rtags-kyi-hjug-pa» = скр. «Vyākaraṇa liṅga bataṭa», где уже в IX в. н. э. были предвосхищены многие принципы современных работ по активности и эргативности: «При любом действии, если деятель (тибет. byed-pa-ro = скр. kartṛ) действует результивно (тибет. dīśos-su) и непосредственно (hbrel-baḥi dbaṇ-du) на объект (gžan), этот активный деятель (byed-pa) и его активное действие (тибет. byed-pa : скр. kāraṇa) и являются по преимуществу активной конструкцией (bdag). Объект (bya-ba) и является по преимуществу конструкцией состояния». Эти выдающиеся грамматические открытия стали возможными благодаря наложению друг на друга описаний двух языков — санскрита и тибетского, которые при различии структур или благодаря этому различию позволили прийти к формулировкам, имеющим общезыковую значимость.

В отличие от приведенных примеров ранних грамматик, ориентированных на один привилегированный язык описания (латинский или санскрит), в современных контрастивных описаниях грамматики двух языков ни одному из них не отдается предпочтения. Но один из них описывается, а другой упоминается только в тех случаях, где он существенно отличен от первого (как, например, в грамматике русского языка сопоставительно с узбекским, составленной Е. Д. Поливановым). Среди прикладных применений контрастивного сопоставления двух или более языков следует отметить преподавание языка и перевод (в том числе и автоматический). Для этих целей необходимо иметь полный список всех грамматиче-

ских категорий (и соответствующих форм), которыми друг от друга отличаются сопоставляемые языки. При переводе текста с классического китайского на современный английский или русский языки окажется необходимым, например, во многих случаях восполнить по контексту (не довольствуясь передачей граммем переводимого текста) такие отсутствующие в китайском категории, как множественное число у имен существительных, время в глаголе и т. п. Иначе говоря, проблема перевода с классического китайского на английский или русский не сводится только к правильной передаче значений, представленных в переведимом тексте. Необходимо добавить всю ту грамматическую информацию, которая обязательна с точки зрения английского (или русского) языка, но отсутствует в классическом китайском. Едва ли не лучшее изложение возникающих при этом проблем для переводчика художественных текстов содержится в целой серии посвященных специально этому кругу вопросов работ акад. В. М. Алексеева. Напомним краткую характеристику выбора одного из нескольких возможных грамматических оформлений китайского слова из статьи о китайском палиндроме: «знак *ай* в корнеслове значит „люб“ (любить, люблю, любил, любимый и т. д.). Как же его „облицевать“ здесь морфологически? Я знаю из грамматики и стилистики, что личные местоимения в китайской поэзии (а это как раз поэзия!), как и вообще в изысканном языке, старательно избегаются, а следовательно, вместе с этим нужно морфологизировать глагол в китайской поэзии с большой оглядкой на поэтические обычаи страны, из которых два особенно часты: *я* — для скромных сентенций и *Вы* (ты) — для льстиво-вежливых, в речи о друге, к нему же и обращенной. Поэтому вернее всего морфологизировать здесь знак *ай* как *во ай* „я люблю“, по общему укладу лирической речи и по норме П — С, с подразумеваемым П. Само собою разумеется, что никакая другая морфема, кроме настоящего времени, сюда не идет: ни морфема претерита, ни будущего, ни повелительного (как требующего речи о другом человеке, чего здесь пока нет, хотя по структуре он отнюдь не противопоказан)» ([9, с. 536]; сокращения П и С означают соответственно «подлежащее» и «сказуемое»). Из приведенной цитаты видно, что для правильного восполнения отсутствующих в классическом китайском тексте грамматических категорий, обязательных для русского (как и для ряда других языков), требуется привлечение данных лингвистики текста (в частности, сведений о речевых жанрах) и культурологической семиотики. Без этого нельзя быть уверенным в решении важнейшей проблемы контрастивной грамматики, сформулированной еще Г. фон Габеленцем, чья книга до сих пор остается едва ли не лучшей европейской грамматикой классического китайского языка. Говоря о «краткости выражения», характерной для этого языка, Габеленц отмечал, что в предложениях, где выражение несобственно синтаксических значений не требуется по смыслу (т. к. они могут быть воспроизведены по контексту) и поэтому в китайском тексте отсутствует, перевод на европейские языки может быть «различным, но не таким алгеброобразно абстрактным, как в китайском тексте. Число у существительных, время у глагола — это то, что мы должны внести сами, хотя китайцами они не были выражены и предположительно в подобной фразе ими и не имелись в виду» [10, 5.117, § 267].

Развивая ту же мысль по поводу частого в классическом китайском опущения грамматического субъекта, Габеленц предупреждал против привнесения «чего-то случайного, не содержащегося в самом выражении» [10, с. 118, § 268], при восполнении отсутствующих глагольных категорий в переводах с классического китайского языка на европейские. Ве-

роятно, наиболее ценные результаты в контрастивных описаниях языков этого типа и были достигнуты именно благодаря отчетливому пониманию их принципиальных отличий от европейских.

В том же плане внимательного теоретического осмысления и обсуждения заслуживают как общие типологические формулировки отличия суффиксальной агглютинативной аналитической структуры узбекского языка от суффиксально-префиксальной флексивной синтетической структуры русского [11, с. 67], так и многочисленные более частные выводы, содержащиеся в контрастивных описаниях и методических рекомендациях Е. Д. Поливанова. Отметим особо предложенное им сопоставительное описание русских и узбекских падежей, для поверхностной структуры которых Поливанов пользовался обозначениями их посредством порядковых номеров (прием, впервые примененный Панини и позднее многократно использовавшийся в формальных грамматических описаниях). Последовательно проводя сопоставление основных функций падежей в обоих языках, Поливанов при этом обратил особое внимание на чисто формальное содержание понятия падежа в русской грамматике в отличие от узбекской [11, с. 107, 127 и др.].

Может показаться, что при неконтрастивном исследовании одного языка нет необходимости в сопоставлении его с другими системами. Тем не менее оно почти всегда имеет место, либо в явном виде, если данный язык сопоставляется с группой языков, в определенном отношении с ним объединяемых, либо неявно. Рассмотрим сначала первый случай. В недавнем исследовании лужицких притяжательных форм [12] предпринят опыт пересмотра той интерпретации этих форм и сходных с ними явлений в других славянских языках, который предполагает особый их грамматический статус. Хотя рассматриваемый вопрос, строго говоря, лежит целиком в плоскости синхронного дескриптивного описания одного славянского языка — верхнелужицкого, тем не менее автор статьи проводит исследование соответствующих фактов 13 славянских языков, отмечая, что «мы таким образом должны будем заниматься типологией родственных языков, имеющей свои преимущества» [12, с. 307]. Вопрос заключается в определении места в парадигме верхнелужицких форм типа *bratrowy*, для которого характерны использования типа *mojeho bratrowe džéči* «дети моего брата». Синтаксические особенности подобных конструкций заставили многих славистов принять то истолкование, которое было впервые предложено Н. С. Трубецким полвека тому назад по отношению к старославянским притяжательным прилагательным типа *БОЖИЙ* «божий» от *БОГЪ*. Поскольку эти формы в старославянском обязательно заменяют приемлемой (адноминальный) родительный падеж имен существительных одушевленных, если только этот падеж сам не сопровождается определительным словом, Трубецкой пришел к выводу, что «от каждого существительного, обозначающего одушевленное существо, образуется притяжательное прилагательное, которое принадлежит к парадигме склонения этого существительного совершенно так же, как причастия принадлежат к парадигме спряжения глаголов» [13, с. 220]. Отличие своей точки зрения от традиционной, при которой притяжательные прилагательные рассматриваются в разделе грамматики, описывающем основообразование, Трубецкой поясняет в духе контрастивной типологии: это «не более как результат влияния грамматики классических языков, не знающих категории притяжательных в том виде, в каком она существует в славянских языках» [13, с. 220, примеч. 1]. В многочисленных исследованиях последнего времени (лишь часть которых упомянута в [12])

было приведено много новых данных, не только подтверждающих интерпретации Трубецкого, но и с несомненностью говорящих о полезности того нового понимания парадигмы, которое было развито в структурной типологии славянских языков именно в связи с этой идеей Трубецкого. Конкретные выводы относительно места лужицких, словацкого и (старо)-чешского языков, полученные применительно к отношению притяжательной формы к парадигме существительного в зависимости от поведения других склоняемых элементов — прилагательного, личного местоимения и относительного местоимения [14], — в основном подтверждены и исследованием [12]. Но особенно хотелось бы подчеркнуть, что этот вопрос подвергался анализу именно на всем множестве славянских языков, по отношению к которым оказывается возможным выяснить меру парадигматичности притяжательных форм.

Неявное использование сопоставления описываемых языков друг с другом имеет место во всех тех описаниях одного данного языка, которые строятся на соотнесении этого языка с некоторой системой описания (лингвистическим метаязыком). Использование в описании такой системы равносильно сравнению описываемого языка со многими языками, элементы которых включены в лингвистическую систему, служащую метаязыком описания. В какой степени эта последняя может рассматриваться как сокращенная запись результатов соотнесения разных языков друг с другом? Иначе говоря, в какой степени подобная металингвистическая система близка к тому, чтобы включать множество элементов всех сопоставляемых языков?

Попытаемся ответить на этот вопрос сначала применительно к фонетике и фонологии. Описывая звуки и/или фонемы данного языка, фонетист или фонолог используют или некоторое подмножество множества всех известных звуков, или какой-либо набор признаков. В первом случае обычно применяются элементы универсальной фонетической транскрипции (в одном из ее современных вариантов). В большинстве до сих пор чаще всего используемых (артикуляционных, т. е. опирающихся на сведения по физиологии речи) разновидностей фонетической транскрипции принимаются во внимание не все возможные звуки, а только некоторые, наиболее широко представленные в разных языках мира. Сходный подход характеризует и все те опыты создания универсальной системы фонологических оппозиций, которые развивают идеи «Основ фонологии» Трубецкого. И по отношению к универсальной фонетической транскрипции, и применительно к универсальным системам фонем остается существенный для современного научного знания вопрос проверки «(фальсификации» в терминах К. Поппера) полноты системы, исследуемый эмпирически по мере расширения круга описываемых языков и диалектов.

Согласно одному из наиболее популярных в настоящее время подходов к фонологии (имеется в виду развитие идей Р. О. Якобсона и их модификаций в трудах Фанта, а также Халле и Хомского), в качестве исходных единиц рассматриваются фонологические различительные признаки, выявленные при фонологическом описании различных языков. В таком случае единица следующего фонологического уровня — фонема понимается как пучок фонологических различительных признаков. Представление фонем какого-либо языка в виде пучков признаков, входящих в универсальный набор, достаточный для описания всех известных языков, можно было бы считать одним из примеров того, как соотнесено описание одного языка (в данном случае на фонологическом уровне) и сопоставление этого языка со всеми другими известными языками.

Набор универсальных фонологических различительных признаков можно рассматривать как представление фонологической структуры разных языков мира, тогда как описание данного языка в терминах этого набора является опосредованным сопоставлением этого языка с фонологическими системами других языков. При этом если любая универсальная металингвистическая система представляет собой сокращенную запись результатов сравнения многих языков друг с другом, то набор различительных признаков выполняет эту задачу значительно более экономно, чем универсальная транскрипция. С помощью двенадцати признаков или немного большего их числа может быть представлена фонологическая структура всех известных языков мира.

Среди особенно сложных проблем, возникающих при соотнесении фонологических (на уровне фонем или признаков) характеристик с собственно фонетическими, выделяются те, которые связаны с пелинейным (или не строго линейным) характером следования друг за другом признаков. Те признаки, которые при представлении звукового отрезка на фонемном или признаковом уровнях описываются как следующие друг за другом (например, /+переднеязычность/, /+огубленность/ в отрезке /šv/ русской словоформы *швá*), могут реализоваться одновременно, если общефонетические артикуляционные и/или акустические ограничения это позволяют. Поэтому в русской словоформе /švá/ может в начале произноситься огубленный шипящий типа того, который в абхазском выступает в качестве отдельной фонемы. Следовательно, фонетическая реализация и типологические параллели к ней могли бы подсказать теоретически и выбор единиц описания, больших, чем звук или фонема, для большинства языков. В некоторых случаях (обобщаемых широким понятием «просодия» в лондонской фонологической школе, где под просодией могли пониматься и такие явления, как приыхательность) признак, который накладывается на целый звуковой отрезок, состоящий из нескольких сегментных фонем, целесообразно считать просодическим (суперсегментным) свойством всего этого отрезка, как это обычно делается по отношению к ударению и к ряду ларингальных или фарингальных признаков — «фонаций», связанных с работой гортани или с участием в артикуляции стенок полости зева. Границы между просодическими свойствами и такими признаками, которые могут быть точно приурочены к определенному интервалу (сегменту) в звуковом потоке, далеко не во всех языках легко определяются, что допускает и рассмотрение модели описания, не предполагающей обязательной жесткой сегментной локализации каждого признака.

За последнее десятилетие для таких тоновых языков, как многие африканские [15] и японский [16], детально разработаны правила «автосегментной фонологии», определяющие взаимно-однозначные преобразования последовательности тонов в последовательность сегментных фонологических единиц, несущих тоны. При этом должно соблюдаться условие, аналогичное тому, которое в синтаксических исследованиях именовалось проективностью: линии, соединяющие символы, которые обозначают тоны, с символами, обозначающими единицы, несущие тоны, не должны пересекаться. Тоновые исследования представляются наглядной иллюстрацией того, как связано описание одного языка и типологическое его сопоставление с каждым из других языков, в которых обнаружены тоны. Открытие принципов автосегментной фонологии по отношению к языку тонга и некоторым другим языкам Африки быстро привело к появлению аналогичных описаний тонов и в других языках.

Существуют языки (такие, как, например, классический тибетский, классический китайский, вьетнамский), где каждая фонема (и соответственно характеризующие ее признаки) принадлежит к строго детерминированному позиционному классу, определяемому положением в жестко фиксированной схеме слога (различие инициалей в начале слога, финалей в конце словов и т. п.). В языках такого типа, как давно уже предположено (в частности, Е. Д. Поливановым), в качестве основной единицы описания может быть выбрана не фонема и не признак, а слог или силлабема, в других языках имеющие несравненно меньшее значение либо по причине крайней простоты правил их построения (как в языках с открытыми слогами типа японского или праславянского), либо, наоборот, из-за исключительной сложности правил слогоделения и слогообразования, как в латышском языке. Следовательно, вопрос об основной фонологической единице описания (как и о единицах других уровней) может в известной мере определяться классом языков и не должен заранее однаково решаться для всех языков мира.

При выборе в качестве основной единицы фонологического уровня сегментной фонемы описание этого уровня в большей мере сводится к выявлению разных позиционных вариантов (аллофонов) каждой фонемы, зависящих от комбинаций с другими фонемами в пределах словоформы. Согласно точке зрения, принятой такими влиятельными фонологическими направлениями, как московская фонологическая школа и порождающая фонология, основанная Хомским и Халле, при решении вопроса о выделении фонем и их вариантов следует обращаться к сведениям, касающимся грамматической (морфологической) роли соответствующих звуковых единиц (например, при определении характера конечного сегмента в формах типа русск. /скрбк/ «слог» следует учитывать наличие /г/-в других словоформах, входящих в ту же парадигму). Согласно альтернативному подходу к фонологии, представленному в школе «естественной фонологии» и в школе акад. Л. В. Щербы, собственно фонологическое описание ограничивается отношениями внутри самого фонологического уровня, максимально приближенного к фонетическому. В таком случае, как это было последовательно изложено в трудах Н. С. Трубецкого и других ученых, входивших в Пражский лингвистический кружок, целесообразным оказывается введение особого морфонологического уровня и особой исследующей его лингвистической дисциплины — морфонологии. Предметом морфонологии является изучение фонологического состава морфонологических единиц языка — морф (функционально выделяемых частей словоформ) и разного рода грамматически обусловленных чередований графем. На примере морфонологического уровня языка и морфонологии как дисциплины, его изучающей, можно отчетливо видеть, что выделение разных уровней языка и соответствующих им особых разделов лингвистики не может считаться раз и навсегда заданным: при включении описания чередований фонем и фонологического строения морф в предмет самой фонологии нет необходимости в выделении морфонологии как особой дисциплины. Против самостоятельности морфонологии выдвигались и некоторые косвенные доводы, заключающиеся в таких психолингвистических и нейролингвистических (афазиологических) данных, судя по которым для говорящих на некоторых языках этот уровень не выделяется (обоснованию этого тезиса посвящено несколько интересных исследований В. Дресслера). Но остается теоретически невыясненным вопрос о том, может ли число и характер уровней, выделяемых при формальном описании языковой (по большей части бессознательной) инту-

иции говорящего, совпадать с уровнями в некоторой модели лингвистического описания (или, иными словами, в метаязыке лингвистической теории). Вполне возможно допущение, по которому метаязык лингвиста может иметь больше уровней, чем языковая интуиция говорящих (или наоборот). В большой степени это может определяться целями лингвистического описания, в частности, кругом подбираемых автором типологических параллелей. Роль этих последних для исследования морфонологических явлений представляется возможным проиллюстрировать сравнением чередований начальных смысловых согласных в нивхском и фула (и некоторых других западноатлантических языках конго-кордофанской семьи в Африке), в свое время предложенным Р. О. Якобсоном [17]. Р. О. Якобсон заметил, что речь идет о специализированном использовании некоторых категорий фонем для определенных грамматических целей. По-видимому, последовательное описание разных языков с этой точки зрения сулит много нового, но оно только еще начинается.

Одной из проблем, подробно исследованных в общей морфологической теории, можно признать общую теорию падежей как граммем. Из разных подходов, недавно суммированных в сборнике, посвященном современным направлениям в исследованиях падежа на материале славянских языков [18], можно особо выделить тот, который ориентирован прежде всего на язык самой лингвистики: предполагается, что в лингвистических исследованиях содержится материал, который при необходимой его формализации дает возможность использовать термин «падеж» в более точном смысле. При этом по отношению к этой подсистеме грамматических значений (граммем) можно ставить вопросы, аналогичные тем, которые исследуются в типологии фонемных систем: можно исследовать число элементов (фонем или граммем в данной системе), определить минимальное или максимальное число элементов в описанных до сих пор системах, предложить оппозиции, по которым противопоставляются друг другу элементы в системе, и для оппозиций, сводимых к бинарным, можно обсудить возможность представления соответствующих элементов в виде пучков двоичных признаков. Поэтому можно говорить и о частичной изоморфности структур тех фрагментов лингвистического метаязыка, которые описывают соответственно системы фонем и системы падежных значений (граммем). Подход, аналогичный тому, который начиная с известного труда Л. Ельмесева, был развит по отношению к типологии падежных значений, теоретически возможен и по отношению к другим морфологическим подсистемам значений, в частности, глагольных, однако в этой области можно указать лишь на первые опыты (например, в общей аспектологии). До сих пор еще отсутствует хотя бы рабочая схема основных грамматических значений, морфологически выражаемых в известных до сих пор языках.

При неимении морфологического инвентаря, который мог бы играть роль, аналогичную универсальной фонетической транскрипции, лингвист вынужден пользоваться тем грамматическим метаязыком, который ему подсказывается его собственным грамматическим опытом. При минимальной лингвистической подготовке этот опыт в большей мере оказывается связанным с родным языком лингвиста (или с тем языком, который в данной традиции играет роль привилегированного языка). О далеко идущем воздействии этого фактора именно в тех случаях, когда он оставался либо совсем неосознанным, либо недостаточно теоретически осмысленным, свидетельствует то, в какой мере некоторые типологические особенности структуры английского языка оказались на первоначаль-

ных версиях систем порождающей грамматики. На протяжении достаточно длительного времени в них морфологический уровень вообще не выделялся в качестве отдельного и все относящиеся к морфологическим явлениям вопросы должны были решаться внутри синтаксического компонента порождающей грамматики. Таким образом, метаязык описания, в случае если он не ориентирован явным образом на конкретный язык, а в более общем случае на разные языки, типологически отличные от описывающего, может отразить его же характерные черты.

Строго говоря, выделение внутри грамматики морфологии, рассматривающей выражение обязательных грамматических значений в означающей стороне (плане выражения) не более чем одного знака (словоформы), и синтаксиса, имеющего дело с выражением грамматических значений в пределах сочетаний знаков в предложении (а иногда и в группе предложений), необходимо только в тех языках, где слово членится на морфологические составные части (морфы). При этом в языках, использующих инкорпорацию, строгое разделение морфологического и синтаксического уровней может привести к усложнению процедуры описания и во всяком случае должно проводиться не так, как в языках, четко отличающих словоформы от синтаксических сочетаний морфов. В языках же последовательно изолирующего (чисто аналитического) типа грамматика целиком сводится к синтаксису (ср. отчетливую формулировку в [10, с. 113, § 254]. Но и для этих языков в описание может быть включена морфология, где отдельно характеризуются классы слов (определеняемые, однако, не по собственно морфологическим, а по синтаксическим критериям). Соотношение морфологии, синтаксиса и грамматики может служить еще одним примером относительной условности выделения разных разделов языкоznания и соответствующих им уровней, зависящих от типа языков, на которые ориентировано описание.

До сих пор наиболее развитой областью грамматической типологии языков, связанной обратной связью и с конкретными грамматическими описаниями, является исследование взаимного расположения грамматически значимых элементов. И на уровне, относящемся к структуре словоформы (где уже вслед за Сепиром были намечены основные типы соотношений морфов разных типов, к которым позднее добавились такие существенные детали, как использование трансфиксов), и применительно к позициям основных элементов предложения лингвистика располагает в настоящее время достаточно разработанным и почти общепринятым метаязыком. Это обстоятельство ощущимо сказывается на интенсивности и плодотворности изучения разных языков мира (в том числе и впервые вовлекаемых в круг исследуемых) с этой специальной точки зрения. Интересные наблюдения, сделанные уже в этой сфере исследований (в том числе и такие, которые позволяют соотнести особенности расположения морфов в слове с типом расположения элементов предложения, т. е. связывают друг с другом типологию разных уровней), представляют пример удачной разработки фрагмента типологического метаязыка лингвистики. Возможно, что отличие преимущественно префиксальных языков типа бantu от суффиксальных типа тюркских или языков с расположением глагола в конце предложения от языков с его начальным положением и не является само по себе наиболее существенной чертой, которую может и должна выявить типология языков. Но после того, как в значительном числе лингвистических исследований был принят едиобразный принцип описания соответствующих явлений, было сделано много выводов, полезных для описания каждого отдельного языка и для общего языко-

знания в целом. Это убедительнее всего демонстрирует необходимость выработки единой системы понятий и в других частях грамматического описания.

Поскольку грамматика занимается прежде всего значениями или функциями грамматических единиц, давно уже предпринимались попытки построить грамматику целиком на основе значений или категорий, ими образуемых (Нурейн, Есперсен, акад. И. И. Мещанинов и др.). Другой подход ориентирован на выражение значения. Иногда, как у Нурейна, такой подход рассматривается в качестве дополнительного к первому (в этом отношении, как и во многих других, опыт Нурейна, к сожалению, по отношению к шведскому языку в оригинальном варианте его труда до конца не доведенный, может считаться одной из вершинных удач лингвистики начала нашего века). Но при любом построении грамматической теории (если отвлечься от некоторых крайностей дескриптивной лингвистики, едва ли сейчас кем-либо защищаемых) наличие значений у грамматических единиц является обязательным, что затрудняет применение идеи изоморфизма в смысле, более широком, чем отмечено выше. Хотя одинаково построенная метаязыковая лингвистическая терминология может навести на предположение, что объединение алломорфов одной морфемы сходно с объединением аллофонов одной фонемы, тем не менее различий между этими процедурами не меньше, чем сходств. При объединении аллофонов в одну фонему — фонологическую единицу, различающую (любые) словоформы, значение последних не учитывается, тогда как при объединении алломорфов существенно именно тождество выражаемых ими значений. Поэтому гипотеза о наличии изоморфизма фонологического уровня и более высоких уровней языка (таких, как морфологический) приемлема лишь в той мере, в какой речь идет о некоторых комбинаторных понятиях (таких, как дополнительная дистрибуция), применимых и к единицам, наделенным значениями, и к единицам, различающим эти последние, но значения не имеющим (именно с последним типом единиц имеет дело фонология).

В порождающей грамматике и в грамматическом компоненте моделей, ориентированных от смысла к тексту, синтаксические структуры описываются начиная с некоторого исходного набора грамматических значений, которые, постепенно перекодируясь в другие наборы значений, далее превращаются по определенным законам в грамматически правильно построенные цепочки словоформ. Одним из первых значительных достижений теоретических исследований в области автоматического перевода явилось установление того, что исходный набор значений может быть определен на основании установления соответствий между языками. Здесь возможны два основных случая, не в равной мере исследованные в современной лингвистике. Первый предполагает соотнесение друг с другом некоторого множества языков, между которыми должен быть осуществлен перевод. Для частного случая двух языков задача сводится к той, о которой говорилось по поводу контрастивной грамматики. Основное затруднение построения больших систем соответствий этого типа состоит в недостаточной разработанности общей типологии значений. Если набор реляционных значений (в смысле Сепира) достаточно ограничен и в основном совпадает в разных языках мира (хотя и для него нет детально разработанного метаязыкового инвентаря), то число деривационных значений весьма велико, причем их характер существенно варьирует от языка к языку. Например, в таком языке, как английский, в формах типа *spoon-less* «не имеющий ложки», *hat-less* «без шляпы» и т. п.

образующих открытый класс, отсутствие чего-либо может выражаться в качестве особого деривационного значения, в кетском же и вымерших енисейских языках, а также в некоторых других сибирских — в качестве граммемы особого лишительного (каритивного) падежа: кот. *alup-fun* «без языка», *tagai-fun* «без головы», *teś-pun* «без глаз, слепой» и т. д. [19]. В других языках то же значение вовсе не является грамматическим и его наличие в словах со значением «глухой», «слепой» и т. п. может быть выявлено только путем семантического анализа, вспомогательным инструментом которого мог бы служить перевод на один из тех языков, в которых каритивное (лишительное) значение выражается особой граммемой, специальным деривационным аффиксом или регулярно используемым синтаксическим средством в той же функции.

Вторым способом установления исходного набора значений может служить обращение к переводу не на другие естественные языки, а на искусственные логические языки типа языка исчисления предикатов. Первые опыты в этом направлении предпринимались в математической логике достаточно давно (напомним хотя бы о замечательной книге [20]). Но лишь за последние четверть века, в особенности в целой серии исследований наших лингвистов и логиков, а также в трудах Монтилью и его школы, в порождающей семантике и примыкающих к ней направлениях были предприняты систематические усилия для установления правил соответствий, связывающих искусственные логические языки с некоторыми элементами структуры естественных языков. В этих последних для семантического описания, ориентирующегося на логические языки, выбирались именно те элементы (в частности, некоторые союзы, прилагательные с местоименными значениями и т. д.), которые по своему употреблению допускают определение значений без обращения к экстралингвистической информации. Иначе говоря, с помощью перевода на искусственные логические языки описывались только те слова естественного языка, которые в логических терминах характеризуются как обладающие слабой семантикой (в отличие от сильной семантики подавляющего числа слов естественного языка, определение значения которых требует выхода за пределы языка и соотнесения с некоторыми внеязыковыми сведениями о мире). Наиболее подробно были исследованы в логико-лингвистических исследованиях этого типа те служебные элементы русского, английского и ряда других естественных языков, которые соответствуют (в известном приближении) логическими связкам, кванторам и т. п.

Некоторые из проблем, возникших при серьезном рассмотрении возможностей перевода (в том числе и автоматического) с естественного языка на искусственный логический, представляют исключительный интерес и для грамматической типологии естественных языков. Уже в первых работах о переводе с естественного языка на язык исчисления предикатов было выяснено, что одна из существенных трудностей может быть связана с отсутствием в исчислении предикатов точных семантико-синтаксических соответствий категории прилагательного, в связи с чем предлагался промежуточный этап при переводе [21]. Аналогичные проблемы в те же годы обсуждались и в трудах по порождающей грамматике, понятийный аппарат и метаязык которой сформировался под непосредственным влиянием исчислений математической логики. Дальнейшие исследования показали, что некоторые естественные языки (например, юкагирский) в этом отношении ближе к исчислению предикатов, чем к языкам типа русского. Иначе говоря, осмыслиенной оказывается такая постановка вопросов типологии естественных и искусственных языков, при которой внутри

множества естественных языков одни из них окажутся ближе к искусственным языкам, другие — к языкам, принципиально отличным от логических. Особый интерес в этом отношении представляет цикл исследований Я. Хмелевского, показавшего, в какой степени классический китайский язык близок к языкам математической логики. Заметим, что результаты этих конкретных типологических сопоставлений естественных и логических языков противоречат высказывавшимся иногда ранее утверждениям о наличии особой логики, связанной с теми или иными неевропейскими традициями, и в этом смысле в высокой степени нетривиальны. Уже углубленное изучение (на основе тибетских и санскритских текстов) буддийских логических трактатов, проведенное акад. Ф. И. Щербатским [22—24], обратило на себя внимание тех логиков, которые заинтересовались проблемой связи логической системы с языком, на котором эта система излагается [25].

Одной из исключительно важных проблем не только истории современной научной мысли (в том числе и лингвистической), но и соотнесения двух подходов к семантике языка, как естественного, так и конструируемого (искусственного), представляется противоположность этих подходов, достаточно четко обозначившаяся уже у создателей математики нового времени — Ньютона и Лейбница. Они оба отдали дань попыткам создания искусственных языков, причем и тот и другой стремились к созданию новой системы записи понятий, т. е. особого семантического метаязыка. Разницу в том, как строились каждым из них эти метаязыки, кажется возможным соотнести с аналогичным (если даже не полностью тождественным) различием и в их подходе к математическому языку и его семантике. Акад. Н. И. Лузин считал, что для Ньютона основным в его теории пределов было понимание рассматриваемой переменной величины как «либо монотонно возрастающей, либо монотонно убывающей»; «Ньютон предполагал лишь монотонное изменение переменных величин, его переменные величины идут к пределу либо монотонно возрастают, либо монотонно убывают» [26, с. 64]. Этот подход прямо соответствует той шкале монотонно меняющихся значений прилагательных (в пределах одного семантического поля), которыми занимался молодой Ньютон в тех лингвистических этюдах, которые в недавнее время привлекли внимание специалистов по лингвистической семантике. Ньютоновские таблицы меняющихся значений прилагательных уже предвосхищали исследование «градуирования» в семантическом исследовании Сепира, справедливо считающемся одним из первых шагов на пути к структурной семантике, а также и идею «семантического дифференциала».

Что же касается подхода Лейбница к математическому языку и к впервые им создававшемуся метаязыку, Лузин в указанной работе усматривал его особенность во внимании к «последним элементам», «зернистость» структуры которых оставалась их характерной чертой [26, с. 70]. Те «моменты» значений, которые хотел установить Лейбниц, должны были лежать в основу разрабатывавшегося им «rationального языка», о переводе на который с обычных (естественных) языков он мечтал [27]. Лейбницева программа описания семантики естественного языка конкретизирована в последнее время в одном из наиболее последовательных опытов построения системы семантического языка [28], который уже использован при описании лексической и грамматической семантики польского, русского, английского и некоторых других языков. Этот метаязык исходит из принятия очень ограниченного словаря основных понятий числом не более десятка (достаточно сложных по сути, например, «мир», но в этой системе

нерасчленяемых). Каждое слово или форма определяются фразой или целым текстом на естественном языке, содержащим эти основные понятия (естественный язык, ориентированный на этот набор основных слов, представляет собой в этом употреблении особого рода семантический метаязык). Система Лейбница-Вержбицкой в основе своей является дискретной: для Лейбница весьма существенным представлялось наличие ограниченного числа тех основных «простых» идей, на комбинациях обозначений которых строился его искусственный метаязык. Для описания семантики слов с конкретными депотатами он признавал необходимость взаимодействия разных областей знания и использование разных видов знаков: «В настоящее время было бы желательно, чтобы люди, занимающиеся физическими исследованиями, изложили те простые идеи, в которых они подмечают постоянное совпадение между индивидами каждого вида. Но чтобы составить такого рода словарь, который содержал бы в себе, так сказать, всю естественную историю, потребовалось бы слишком много людей, слишком много времени, слишком много труда и проницательности...» [29]. Современные задачи и возможности обработки и использования языковых текстов в компьютерах делают приближение к (хотя бы частичному) решению этой проблемы одной из насущных необходимости. По-видимому, при описании слов с сильной семантикой нельзя избежать соотнесения их с текстами на том же языке, используемом в метаязыковом употреблении, или другими видами знаков (Лейбниц в цитированном сочинении говорил о словаре с рисунками), которые сообщали бы всю энциклопедическую (внеязыковую) информацию, необходимую для понимания слова. При всей грандиозности этой задачи серьезный подход к лингвистической проблематике когнитивных наук и искусственного интеллекта без ее решения невозможен. Поэтому можно надеяться, что лингвистическая теория сильной семантики, до сих пор очень слабо разработанная (если не считать таких отдельных удачных фрагментов, как анализ перформативных и делокутивных глаголов, в силу специфики их значения более близкий к исследованию слов, семантика которых изучается внутри самого языка), как и необходимый для нее метаязык (или скорее целый набор способов описания разных сфер применения языка) начнут привлекать внимание лингвистов.

До сих пор при последовательном рассмотрении разных уровней языка и соответствующих разделов лингвистической теории мы сосредотачивали внимание преимущественно на том, как язык или отдельные его фрагменты соотносятся либо с другим естественным языком, либо с лингвистическим метаязыком, основанным (как универсальная фонетическая транскрипция) на сравнении друг с другом многих естественных языков, либо, наконец, с искусственным языком (уже существующим в математической логике или специально создаваемым для целей описания языка). Но кроме такого достаточно общего случая, для целого ряда областей лингвистики (в особенности современной) чрезвычайно характерно такое описание языка, при котором он соотносится сам с собой (выше при рассмотрении такого уровня, определенного как морфонологический, мы касались этой проблемы, но специально на ней не останавливались). Наглядным примером могут служить трансформационные и другие им подобные правила в порождающей грамматике: некоторая часть (подмножество) всех конструкций языка признается в определенном смысле исходной (базовой), а остальные выводятся из исходных по некоторой совокупности правил (поскольку сходный подход используется и в формализованных математических системах, в его перенесении на лингвистику

видели воздействие математического мышления). Нетрудно заметить, что аналогичный принцип применительно к морфонологии широко использовался уже в древнеиндийской лингвистике, где были детально разработаны правила порождения форм из некоторых исходных. При диахронической интерпретации, данной еще Соссюром (а также Крушевским), такое исследование, выделяющее один фрагмент языка по сравнению с другими, приводит к определению большей архаичности одного фрагмента и к определению пути развития посредством внутренней реконструкции. Этую последнюю и можно охарактеризовать как сравнение, производимое внутри языка. Основной операцией при этом, как и в трансформационной грамматике, является расслоение системы языка на некоторые подсистемы. Если (как это было сделано еще древнеиндийскими грамматиками) установлено несколько типов морфонологических чередований гласных, то оказывается возможным один из типов чередования принять в качестве основного, а другие попытаться вывести из основного типа чередований посредством ряда диахронических трансформаций. Следовательно, хотя остается в силе предположение, что любое лингвистическое исследование производится путем соотнесения одного языка с другим, в этом достаточно важном частном случае соотносятся друг с другом две подсистемы, выделяемые путем расслоения данной системы. Близкий случай встретился нам выше при рассмотрении такого семантического описания языка, при котором он может соотноситься с текстами, где этот же язык (как в работах Вержбицкой) используется в метаязыковой функции.

Как видно из предложенного беглого обзора основных разделов лингвистики и используемых в них процедур, сопоставление друг с другом разных языковых систем или разных подсистем одной системы может ставить перед собой, в частности, задачу выработки (или проверки и уточнения уже выработанной) системы, которая может служить для описания разных уровней каждого из изучаемых языков. В случае, если сопоставление проводится чисто типологически (вне конкретных пространственно-временных условий), основным его общелингвистическим результатом может быть построение или достраивание метаязыка, служащего для описания. В этом случае чаще всего ставится относительно ограниченные задачи, касающиеся либо плана выражения (фонетического или фонологического уровней), либо плана содержания (например, системы граммем или ее фрагментов). Сравнение языков и в плане выражения и в плане содержания в их соотнесении друг с другом представляет собой специфику сравнительно-исторического языкознания. Но при всем отличии его специальных методов от типологических сопоставлений одного из «планов» неродственных языков друг с другом тем не менее кажется возможным отметить и важное сходство; сравнительно-историческое языкознание стремится разработать (а, выработав, проверять на новом материале) систему, служащую для описания каждого из сопоставляемых языков. Отличие от типологического метаязыка для описания состоит прежде всего в возможности охватить основную часть морфов, дав их диахроническую интерпретацию. Отметим наличие нескольких промежуточных случаев, показывающих, что предлагаемое сравнение построения типологического метаязыка описания с конструированием пражзыковой системы на основе соответствий между родственными языками дает ориентир для соотнесения друг с другом и некоторых других областей лингвистики. Ареальная типология, соотносящая языки в пределах языковых союзов или зон, пользуется методами конструирования типологического набора

элементов, сходными с общей типологией, но при этом ставятся задачи изучения контактов между данными языками в пространстве и времени, близкие к изучению «хронотопа» в сравнительно-историческом языкоизнании. Частным, но очень важным для сопоставления с методами сравнительно-исторического языкоизнания случаем является изучение процессов креолизации. Вывод об отражении в «африканских» чертах креольских языков тех ареальных характеристик, которые обнаруживаются в различных по генетической принадлежности языках африканского ареала [30], может служить наглядным примером того, как типология языков в случае креольских языков оказывается необходимой и для выяснения генетических их отношений.

Не только лингвисты, но и сами говорящие сравнивают между собой языки (об этом не раз напоминал, говоря о взаимосвязях между сравнительно-историческим и типологическим языкоизнанием, Р. О. Якобсон). Сопоставление сходных типологических черт языков приводит к дальнейшему конвергентному движению в рамках одного языкового союза. Иначе говоря, конструирование типологически сходных систем элементов — не только процедура лингвистики, оно существенно и для самих контактов языков друг с другом. Представляется, что дальнейшее систематическое сравнение методов и результатов построения метаязыковых систем, служащих для описания в разных сферах лингвистики, могло бы способствовать более отчетливому осознанию ее единства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964. С. 109—110.
2. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки (На материале лингвистики). М., 1987. С. 11.
3. Schubert J. Tibetische National grammatick. 1. Tl. // Mitteilungen des Seminars für orientalischen Sprachen. 1928. Bd. 31.
4. Miller R. A. Studies in the grammatical tradition in Tibet. Amsterdam, 1976.
5. Перух Ю. Н. Тибетский язык. М., 1961.
6. Иванов Вяч. Вс. Тибетская грамматическая традиция в соотношении с санскритской (опыт комментария) // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981. С. 197.
7. Катенина Т. Е., Рудой В. И. Лингвистические знания в Древней Индии // История лингвистических учений. Древний мир. Л. 1980. С. 77.
8. Bacot J. Grammaire du tibétain littéraire. Р., 1946.
9. Алексеев В. М. Китайская литература. // Алексеев В. М. Избр. труды. М., 1978.
10. Gabelentz G. von der. Chinesische Grammatik. Berlin, 1953.
11. Поливанов Е. Д. Опыт частной методики преподавания русского языка. З-е изд. Ч. I. Ташкент, 1968.
12. Corbett G. The morphology/syntax interface // Language. 1987. V. 63. № 2.
13. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
14. Ревзин И. И. Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973. С. 44—46.
15. Pulleyblank D. Tone in lexical phonology. Amsterdam, 1986.
16. Naraguchi S. The tone pattern of Japanese: an autosegmental theory of tonology. Tokyo, 1976.
17. Jakobson R. Selected writings. V. 2. The Hague — Paris, 1971. P. 89—90, 108.
18. Case in Slavic / Ed. by Brecht, R. D., Levine J. S. Columbus (Ohio), 1986.
19. M. Alexander Castren's Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und Kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen / Hrsg. von Schieffner A. St. Petersburg, 1858.
20. Reichenbach H. The elements of symbolic logic. N. Y., 1947.
21. Шейтн Г. С. О промежуточном этапе при переводе с естественного языка на язык исчисления предикатов // Докл. на конф. по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Вып. 9. М., 1961.

22. Щербатской Ф. И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. I. Учебник логики Дармакирти с толкованием на него Дармоттары. СПб., 1903.
23. Щербатской Ф. И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. II. Учение о восприятии и умозаключении. СПб., 1909.
24. Stcherbatsky Th. Buddhist logic. V. 2. Leningrad, 1932.
25. Серриос III. Опыт исследования значения логики. М., 1948. С. 88—89.
26. Лузин Н. Н. Ньютона теория пределов // Исаак Ньютон. 1643—1727: Сб. ст. к 300-летию со дня рождения / Под ред. акад. Вавилова С. И. М.—Л., 1943.
27. Лейбниц Г. В. Рациональный язык // Лейбниц Г. В. Соч.: В 4-х т. Т. 3. М. 1984. С. 423.
28. Wierzbicka A. Lingua mentalis. Sydney — New York, 1980.
29. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г. В. Соч.: В 4-х т. Т. 2. М. 1983. С. 361.
30. Gilman C. African areal characteristics: Sprachbund not substrate? // Journal of pidgin and creole languages. 1986. V. № 1.